

ДОЛГАРЕВА АННА, РОДНЯ

В её фамилии слышится и гарь, и горе.

И даже промельк Огарёва — был такой мятущийся поэт с обострённым чувством справедливости.

Как Аня.

В её фамилии — долг, рёв, вар, вера.

Она словно бы изначально приговорена к войне.

Ещё в её фамилии — гора и дол. Помните зачин русской сказки: «...по горам, по долам»? В советской песне это обратилось в строчку «по долинам и по взгорьям».

Так изначально была зашифрована будущая страсть ещё довоенной Ани — путешествовать автостопом. И здесь же, конечно, притаилась её будущая судьба военкора, участницы новой гражданской, может быть, самого известного женского военкора всей донбасской войны.

Она, и это очевидно всем разумным людям, стала этой войны символом — слава Богу, что живым: так случается крайне редко, а здесь случилось.

Счастье.

Анна Долгарева — мой поэт, но она даже больше, чем мой поэт.

Она словно бы моя родственница, скажем, сестра: словно мы воспитывались в одном доме. Под одними иконами и под одними знамёнами. Дети южных окраин Руси-России. Последыши советской страны.

Росли мы вроде бы каждый в своей компании — я в мальчиковой, она в девочкиной (взрослея, компаниями менялись), но, когда выросли, вдруг поняли, что унаследованные нами уроки — общие.

У нас общая понятийная система и один алфавит.

Я никогда не пугаюсь её интервью, как иной раз случается с другими тоже дорогими мне литераторами: вдруг она скажет что-то такое, чему я огорчусь — например, обругает поэта, которого я люблю, или проклянёт вождя, который мне дорог.

Не скажет. Не проклянёт.

Мы же из одной природы, из одного рода.

Я её, как всякую сестру, жалею и, не мешая ей жить, как ей хочется (а хочется ей — с фронта на фронт и по дороге спасать всех котов и кошек) — берегу её, как умею, хотя бы в своём сердце.

Она, конечно, как всякая славная сестра, кажется мне порой беспутной, порой взбалмошной — ну а чего мы хотим? Чтоб она была путёвой и умиротворённой? И писала такие стихи при этом? Такие стихи в умиротворении и на выверенных путях — не пишутся.

Такие пишутся — когда вся жизнь идёт поперёк прямого пути.

И вот ты смотришь с тоской ей вослед, как она снова двинулась поперёк всех дорог: где автостопом, где на военной машине, со спутанными русыми волосами на ветру, а где через овраг, вся в репейниках уже... но в итоге Аня всякий раз всё равно оказывалась там, где надо.

Там, где саднило у этой, самой ненаглядной нашей русской земли, там, где мяукал котейка-потеряшка, там, где был бой, а потом было солнце.

И солнце это было — Аня, Анечка, Анна, пришедшая надолго.

Знак укоренённости в русском времени, конечно же, тоже в её имени есть. Она — издалека и надолго, она — Долгарева.

Сколько бы её ни корили, чего бы ни вменяли ей в вину (а вменяют на самом деле всегда — талант, и добрую славу ещё, и восхищение читателей, и любовь всех её донбасских однополчан) — у неё настолько очевидное место в русской

поэзии, что теперь уже и спорить на эту тему
лень.

У неё место, говорю, не на сегодняшней по-
ляне, а в русской поэзии вообще.

Я нарочно не процитировал здесь ни одной её
строки.

Вы сами вправе убедиться, что в том языке,
где была Ярославна и была другая Анна — есть
нерушимый отпечаток и её, долгаревского, голоса.

Захар Прилепин

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВОЕННОЙ КОРРЕСПОНДЕНТКИ

*

Если бы две недели назад
случайный осколок прилетел
в мою рыжую голову
в посёлке шахты Трудовская (ДНР)
или на позициях ЛНР
под Славяносербском,
моя этическая позиция
осталась бы безукоризненной.

Быть на стороне слабого —
так нас учили буквари,
так нас учили мама и папа
и вся великая русская литература.

Семь лет я была с теми, кого бомбили,
семь лет я воевала за них с целым миром
и особенно с собственными штабными.
Как же мне не остаться с ними?

Я родилась и выросла в Харькове,
я не разговариваю с собственным братом
с 2014 года.

Я даже родителей прошу не упоминать
его в разговорах.

Я — с теми, кого бомбили.

Мой брат — с теми, кто их бомбил.

Так вот будет: я приеду
с походным рюкзаком на плечах,
пройду по двору, где семь лет не была,
где не надеялась уже побывать при жизни,
сяду на лавочку перед окнами,
из которых будет пахнуть
жареной картошкой,
и сердце моё станет огромным и жарким.
И разорвётся.

*

На границе с зоной боевых действий,
рядом с танками, самыми могучими
в мире,
я сижу на съёмной квартире,
я считаю: «Раз — и два — и
три — и четыре»,
песня, лейся, да знамя, взвейся.

Я думаю про девочку, инвалида из Киева,
она написала: «Ты мне сегодня снилась,
я жду тебя в гости».

Я помню, как льётся кровь,
отрываются ноги, ломаются кости,
эта память мне всё нутро выела.

Я видела это под Луганском
и под Донецком в степи рыжей.

Я думаю: «Выживите».

Я молюсь за русского офицера,
за украинского призывника.
Эта хрупкая моя вера
никого не спасла пока.

Я сижу, прижавшись спиной к батарее.
Пусть всё закончится побыстрее.

Выключается свет.
Ночь будет чудищ полна.
Но права моя страна или нет —
это моя страна.

*

Выживи, мама, мама моя Россия,
Выживи, папа, папа мой город сивый.
Жили, дружили, пили да не тужили.
Выживи, Тоха, с которым мы вместе жили.

В две тыщи десятом жизнь дала трещину —
Я из Харькова в Киев переехала, на Троещину.
Так пила, что заработала панкреатит.
Самолёт, самолёт, посмотри, летит.

В двенадцатом уехала в Питер,
В пятнадцатом сделалась невъездной.
Что происходит этой ранней весной?
Хлеб на столах — это мы-то жали и сеяли.
Выживи, мама, мама моя Расея.

Эх, наступает ночь, тревожное небо.
Как там белая хата, садок вышнэвий?
Кто меня предал-продал властям Украины —
Не умирай, падла, не умирай-на.

Братцы да сестры, сгоревшее поколение,
Кто там вместо Бандеры вешает Ленина?
Ночь наступает, времени очень мало.
Выживи, мама, Русь моя мама, мама.

*

Люблю тебя
Люблю тебя
Береги себя
Давно не писала так часто
Знакомым и незнакомым

Не выходи из комнаты не совершай ошибку
Собери документы
Заряди телефон и пауэрбанки
Если уезжаешь то не бросай кота
Люблю тебя
Люблю тебя

Пусть выживут друг и враг
Те кто пишет «мы вас ждём —
Аничку и Россию»
Те кто пишет «умри ватная дрянь»
Никакая ты нам не Аничка
Русский ты оккупант»

Пусть выживут

Ночь
подбитой техники больше не видно
Я русская
И мне за это не стыдно

*

Что-то горчит под ложечкой да щекочется.
Степь, не кончается степь, никогда не кончится.
Русская степь, небеса, украинская степь —
Жизнь-то прожить, да их перейти не успеть.

Русская степь в украинскую перейдёт,
Водка, горилка, сало, глубинный народ.